

Глава 10

Благодаря неусыпной заботе учеников недуг Чжу Цинчэня отступил всего за несколько дней. Стоило ему оправиться, как он, подхватив ларец с книгами, поспешил вернуться к своим обязанностям в Академию.

Едва переступив порог, он нос к носу столкнулся с князем Цзином. Видимо, у маститых наставников тот понимания не нашел — лицо Его Высочества было темнее тучи. Чжу Цинчэнь, не удостоив его вниманием, проследовал напрямик в Дворец литературной бездны.

За обедом в компании старых учителей он узнал подробности последних событий. Почтенный муж, что поначалу дозволил князю посещать свои занятия, лишь сухо усмехнулся:

— Явился ко мне, распинался в искренности: мол, прежде лишь охотился да кутил, зря время терял, а теперь желает к наукам приобщиться да истину познать. Ну, я и позволил.

Старик пригубил чай и продолжил:

— Ладно бы у него только со словесностью не ладилось — беда в другом. Помыслы его нечисты. Он и в обитель знаний притащил свои замашки гуляки: сегодня ему подавай пир в башне созерцания прилива, завтра — загородную прогулку. Ни минуты покоя! Стоит мне сделать ему замечание, как у него на одно моё слово готова сотня оправданий: то он рассуждает о «вольном нраве мудрецов», то заявляет, что от учения надобно отдыхать.

Чжу Цинчэнь, усердно работая палочками, внимал этим сплетням с живейшим интересом:

— И что же было дальше?

Наставник сердито погладил бороду:

— Я и сказал ему: ежели он мнит себя перерождением Ли Тайбо, то я учить его не вправе. Более того — сам преклоню колени и назову его своим учителем. Но он не гений, и ученики мои — не гении. У всех них способности средние, а учение — точно путь против течения: не двинешься вперед — отбросит назад. Коли они будут усердно трудиться и не растеряют того, что имеют, это уже будет великой удачей. А коли нет у него таланта великого мужа, так нечего и корчить из себя вольнодумца, сбивая с толку других. Это ведь путь к гибели — и своей, и чужой.

Юноша не удержался от смешка и согласно закивал:

— Истинно так, почтенный наставник!

Слова старика разили куда больнее его собственных — после такого «пути к гибели» неудивительно, что князь Цзин выглядел столь скверно.

Старик немного смягчился:

— По счастью, мои подопечные оказались людьми смышленными. Они ведают, где истина, а где ложь, и на уловки его не поддались.

Чжу Цинчэнь не скупился на похвалы:

— Ваше искусство воспитания выше всяких похвал!

Старый ученый улыбнулся:

— Ты и сам в этом преуспел, да к тому же проявил редкую прозорливость. Я слышал, князь первым делом пришел к тебе, но получил отказ?

— Верно, — подтвердил юноша. — Но откуда вам это ведомо?

Старик невозмутимо пояснил:

— Когда он явился ко мне, то первым делом принялся сетовать на твою «узколобость» и «высокомерие». Мол, ты и в подметки мне не годишься по части душевной широты.

Другой наставник поднял голову:

— И мне он напел то же самое.

— И мне...

Лицо Чжу Цинчэня обиженно сморщилось.

«Неужто у этого человека совсем ума нет? Чтобы подлизаться к одним учителям, он решил всю чернить другого? Кто бы говорил об узколобости!»

Он даже отложил палочки — от козней князя Цзина у него пропал аппетит.

— Почему же ты перестал есть? — спросил старый наставник. — Ты ведь с самого начала разгадал его дурные намерения и потому прогнал. Мы и в грош не ставим его слова, так что и тебе не след принимать их близко к сердцу.

Чжу Цинчэнь покачал головой:

— Больше не лезет.

— Ешь-ешь, тебе нужно хорошо питаться, чтобы подрасти.

— Ну хорошо...

Он нехотя снова взялся за палочки. Старик, посмеиваясь, заметил:

— Посмотрите на нашего Сяо Чжу: душа нараспашку! Только что губы дул, а стоило дать чего повкуснее — и снова радуется.

Юноша вскинул взгляд:

— Это вы меня сейчас похвалили?

— А то как же? Кушай больше.

Закончив трапезу, почтенные старцы промокнули губы платками, сняли защитные сетки с бород и, достав костяные гребешки, принялись старательно приводить себя в порядок. Даже в почтенном возрасте наставники не забывали о своем облике и любили немного пощеголять. Чжу Цинчэнь, подперев щеки ладонями, с тихой радостью наблюдал за ними.

— Чего смеешься? Когда у самого борода вырастет, будешь делать так же.

— Я просто вспомнил своего прежнего учителя.

Старики тепло улыбнулись и ласково потрепали его по голове.

Время летело незаметно, и вот уже на пороге стояли новогодние праздники. К всеобщему удивлению, император, всегда слывший любителем пышных празднеств, издал указ об отмене новогоднего пира во дворце. Государь сослался на зимнюю стужу: мол, чиновникам негоже мотаться туда-сюда по холоду, рискуя подхватить лихорадку. Посему дворцовый банкет отменялся, а вместо него к дверям каждого сановника доставляли подношения из императорской кухни.

Чжу Цинчэнь был в восторге! Он только-только оправился от болезни, танцы его не прельщали, а уж двигаться лишний раз и вовсе было лень. Сидеть дома в тепле и лакомиться деликатесами

— предел мечтаний!

«Да благословит небо этого императора!»

Принимая указ, он стремительно склонился в поклоне, выказав величайшее почтение и едва не коснувшись лбом пола.

Когда евнух вернулся во дворец с докладом, император, заложив руки за голову, отдыхал на ложе. С закрытыми глазами он слушал тихие переборы струн музыканта.

— Старый наставник Сюй выказал некоторое недоумение, — начал докладывать слуга, — но, узнав о заботе Вашего Величества, был тронут. Старый наставник Гао поступил так же. А вот наставник Чжу... Тот даже спрашивать ни о чем не стал. Едва услышал указ, расплылся в улыбке и принялся кланяться так усердно, что чуть носом не клюнул. Кабы ученики не подхватили, точно бы на землю растянулся.

Император негромко рассмеялся и, приоткрыв глаза, приказал:

— А ну-ка, повтори еще раз.

Евнух на мгновение замешкался, гадая, не ослышался ли он, но, осознав, поспешно повторил:

— Господин Чжу был несказанно рад. Кланялся так часто, что едва не свалился.

Ли Юэ прижал руку ко лбу и снова тихо рассмеялся. В этот момент в его сознании вновь раздался сухой электронный голос Системы:

[Носитель, прошу вас, контролируйте свои эмоции].

Император прочистил горло и попытался придать лицу суровое выражение, но уголки губ то и дело предательски ползли вверх.

«Ну как же смешон этот Чжу Цинцин! Подумаешь — отменили пир. Неужто это стоит такого восторга? Едва не упал он, надо же...»

Стоило ему вообразить эту картину, как новый смешок вырвался из груди.

[Прошу носителя контролировать эмоции...]

— Замолкни. Разве ты не видишь — я и так стараюсь?

У императора дернулся уголок рта.

В канун Малого Нового года вся Академия собралась за общим столом. Залы сияли огнями свечей, в жаровнях весело потрескивали угли, наполняя помещение уютным теплом. Чжу Цинчэнь восседал на почетном месте рядом со старыми учителями, принимая поздравления от воспитанников.

— Желаем наставникам Сюю, Гао и всем почтенным учителям доброго здоровья и вечного долголетия!

— Желаем наставнику Чжу... тоже здоровья... и тоже долголетия в сто лет!

Юноше стало как-то не по себе. Ему казалось, будто его чествуют по случаю восьмидесятилетнего юбилея, хотя ему едва исполнилось двадцать!

Самый старший из учителей, чей подбородок украшала длинная белоснежная борода, поднялся со своего места. Оперевшись на край стола, он высоко поднял чашу с вином:

— Желаю моим ученикам стать еще на год мудрее. Пусть грядущий год затмит уходящий, пусть жизнь ваша будет полна радости и здоровья, а мысли ваши текут подобно весеннему ручью. Всем, кому предстоят весенние экзамены, желаю увидеть свои имена в золотом списке. Поднимем же чаши за юношей Великой Ци — будущую опору нашего государства!

Чжу Цинчэнь тоже вскочил, глаза его радостно сузились. Он протянул чашу вперед и выпил всё до капли. Старцы, верные умеренности, ограничились лишь одним глотком, и ученики не смели докучать им новыми тостами. Но наставнику повезло меньше всех — как самого молодого среди учителей, его тут же окружила толпа юношей с кубками наперевес.

Едва осилив две-три чаши, он понял, что место в желудке лучше приберечь для деликатесов. Он замахал руками:

— Полно, полно! Хватит с меня.

Ученики со смехом возразили:

— Учитель выпил только с братом Лю! Неужто вы считаете нас глупее него?

— Да нет же...

— Тогда наставник не должен проявлять пристрастности!

Цинчэнь помедлил и вдруг выпалил:

— И впрямь — вы далеко не так сообразительны и прилежны, как Лю Ань! Наставник хоть и молчит, но в глубине души... самую малость... недоволен!

Пока юноши стояли, опешив от такой прямоты, он ловко юркнул за спины старых учителей:

— Всё, я больше не пью, я пришел кушать!

Ученики хотели было вытянуть его обратно, но их руки тут же встретили отпор наставников:

— Ну-ка прочь! Совсем стыд потеряли? Как смеете тянуть учителя за рукава?

Смеясь, студенты разошлись по своим местам, принимаясь состязаться в сложении стихов. Чжу Цинчэнь, втиснувшись между старцами, отставил чашу и принялся за еду. Учителя тоже пребывали в добром расположении духа, ведя неспешные беседы.

— Минет праздник — и нагрянут экзамены. Первого числа в Храме Великого пробуждения на пороге живого места не оставят.

— Старина Гао, и как тебе не совестно об этом поминать? Кто три года назад подпирал двери храма еще до рассвета, желая первым воскурить благовония?

— А в итоге Чжуаньюанем стал ученик Сюя! Хорошо мы тебя тогда удержали, а то бы ты с горя этот храм по кирпичику разнес.

Наставник Гао густо покраснел:

— Да и вообще, разве я не знал, что вы меня удержите? Я даже в повозку сесть не успел, как вы меня оттащили. Разве я хоть одну черепицу на той крыше задел?

Чжу Цинчэнь поднял голову, не понимая, о чем идет речь. Старина Гао похлопал его по руке и серьезно пояснил:

— Ты, Сяо Чжу, еще молод и многого не знаешь. В народе болтают, будто в Храме Великого пробуждения молитва в первый день года дарует победу на экзаменах. Всё это вздор! Я проверял — ложь и обман. Не вздумай ходить туда и не верь ни единому слову. Это наверняка лавочники у храма придумали, чтобы свечи втридорога продавать.

Он так же серьезно кивнул:

— Хорошо, я запомнил.

Другие учителя приснули:

— Сяо Чжу, не слушай его! Он просто не хочет, чтобы ты составил ему конкуренцию. Ах ты, малый глупец!

Гао тут же замахал на них руками:

— Что за речи? Разве я такой человек? Стал бы я обманывать Сяо Чжу? Я просто не хочу, чтобы он попался на ту же удочку, что и я.

Чжу Цинчэнь проигнорировал смешки остальных. Он отложил палочки и крепко сжал руку Гао, заглядывая ему в глаза с величайшей серьезностью:

— Наставник Гао, договоримся: мы оба в храм ни ногой.

Тот ответил ему таким же твердым взглядом:

— Золотые слова, дитя. Договорились. Кто пойдет за благовониями — тот предаст память предков.

Они торжественно скрепили союз рукопожатием и, под недоуменными взглядами коллег, подняли чаши, отмечая создание союза «Тех, кто ни за что не пойдет в Храм Великого пробуждения».

После праздника Академия закрылась на каникулы. Ученики разъехались по домам, и Чжу Цинчэнь тоже получил долгожданный отдых. Пролежав в постели два дня, он почувствовал, что скоро совсем разленится, и потому решил устроить у ворот резиденции небольшую лавку, чтобы писать новогодние куплеты для простых горожан.

Ученики не забыли наставника и прислали подарки. Лю Ань преподнес редкую копию древней надписи с камня, а Пэй Сюань прислал целую телегу свежих фруктов и овощей. Чжу Цинчэнь был на седьмом небе от счастья: теперь у него была пища и для души, и для тела.

— Добрые вы дети, — сказал он, обнимая их за плечи. — А теперь — помогите-ка мне писать куплеты!

Желающих получить заветные надписи было так много, что он в одиночку не справлялся. Но едва его помощники взялись за кисти, как горожане начали недовольно ворчать.

Почерк Лю Аня был слишком сух и резок — такой годится для поминок, а не для праздника. А письма Пэй Сюаня казались столь древними и тяжеловесными, что больше подходили для надгробий. Идеальная пара, ничего не скажешь!

Один из горожан даже участливо посоветовал юношам: мол, через пару месяцев наступит праздник Цинмин, так вы вместе выходите торговать — один будет писать поминальные стихи, а другой высекать их на камне. Озолотитесь!

Лю Ань, вспыхнув от гнева, уже засучил рукава, намереваясь вступить в спор, но Пэй Сюань вовремя его удержал:

— Старший брат, не стоит, право слово...

Чжу Цинчэнь, посмеиваясь, заставил обоих растирать тушь и резать бумагу. В толпе то и дело слышалось: «Всё же у наставника Чжу почерк лучше всех». Он гордо выпрямился и чуть выше поднял руку с кистью.

«То-то же! Знай наших!»

Но в следующее мгновение он услышал продолжение:

— Письмена господина Чжу такие кругленькие, точь-в-точь как он сам. Сразу видно — человек благодатный!

Чжу Цинчэнь невольно глянул на свои многослойные одежды и тяжелый плащ. Ну да, напялил на себя лишнего, но разве это повод называть его «кругленьким»? Увидев, как наставник забавно надул щеки от обиды, люди в толпе лишь весело рассмеялись:

— О, теперь еще больше похож!

<http://bllate.org/book/15820/1423403>